
ПРАВО ЗНАТЬ – ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ РОССИИ

А.В. Коврига

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

А.А. Субботин

Центр военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России

Изложен подход к извлечению уроков из осуществления Советского проекта; охарактеризованы вектор миропорядка в мире без СССР и основания и последствия для права знать и права на развитие; сформулирована проблема восстановления проектоспособности государства как условия преодоления катастрофического развития событий для мира и России.

Ключевые слова: уроки СССР, мировое развитие, образовательный процесс, право знания и императивы развития России.

Нам необходима философия в России,
всё развитие нашего ума требует её.

Иван Кириевский

Историей обладает только тот, кто жаждет и действует, выходит в будущее и определяет его своей волей.

Эрнст Кассирер

Урок, который Советский Союз преподнёс человечеству, неустрашим.

Достижения СССР и его влияние на мировое развитие – исторический феномен, который продолжает выступать узловым фактором, источником знания, служит контекстом в оценках происходящего в мире и в осмыслении стратегии нового, посткризисного глобального развития.

История – не партия в шахматы и далеко не окончена. Человечество находится только в начале пути.

Чтобы выявить катастрофические тенденции современного мира и со знанием дела, конструктивно войти в новый цикл истории, необходим анализ того, каким мир был «до», каковы были процессы в период существования СССР и что с миром происходит «после». Потребуется «снятие» опыта, извлечение «уроков СССР» [4. С. 18], рефлексия мирового развития «до», «с» и, после, «без СССР».

Императивом преодоления когнитивного дисбаланса между естественной и гуманитарной сферами познания сегодня выступают борьба за глобальный контроль производства знания, геополитика знания.

Стратегическая устойчивость, национальная безопасность и историческая перспективность современного государства зиждется на надёжном расширенном воспроизводстве доброкачественного знания. Проблема усвоения опыта СССР и его возвышающего преодоления не решена, а без понимания сути провалов, понимания скрытых, субъективных факторов как проблем безопасности невозможно овладение происходящим и выстраивание стратегии подъёма России как эффективного государства – аттрактора будущей глобальной цивилизации.

Один из принципиальных, приоритетных вопросов, которому и посвящён этот текст, заключается в содержании и структуре производства знания и организации образовательного процесса. А именно:

- а) в том, как исторической России и развивающемуся человечеству этот урок СССР следует извлекать;
- б) какого типа и какой структуры знания необходимы;
- в) кто и каким образом сможет использовать эти знания в деле управления своим развитием и созидания общего будущего.

Факт реализации проекта СССР делает отказ от суверенного проектирования общественного развития шагом очевидного регресса и причиной деградации. Но кому и в каких целях окажутся доступными знания и средства подобного типа проектирования? Кто является их эффективным акцептором, субъектом? Вопрос становления субъектности государства – это вопрос востребованности и восприятия такого рода знания.

Сегодня утверждать, что после «избавления от СССР» жить на планете стало безопаснее и веселее, а весь мир и Россия сделали целенаправленный программный шаг в своём восходящем развитии, было бы, по меньшей мере, рискованно. Как отмечают учёные из РАНХиГС, всё ещё не устранена угроза деградации российской государственности от слабой к несостоятельной [5. С. 21].

Предпосылки этой несостоятельности формировались на протяжении нескольких последних десятилетий. Происходило «попустительство или содействие разрушению (российской. – *Прим. авт.*) цивилизации, на которой исторически была выстроена эта государственность» [5. С. 32].

Ситуация деиндустриализации и депопуляции уже общеизвестна. Но это не фундаментальные факторы, а лишь видимость, осязаемые следствия. Объём накопленных и используемых на практике теоретических ошибок близок к критической массе, «особенно в таких областях, как культура, образование, в первую очередь – общее (то есть школьное) образование и воспитание, здравоохранение, наука, языковое пространство, межнациональные отношения, отношения между государством и религиозными организациями. Выход за «красную черту» (переход за лиминальную (пороговую) фа-

зу) – набор критического объёма указанных ошибок – может повлечь необратимые последствия для всей российской государственности» [5. С. 82].

Как и столетие назад, во всей остроте снова стоят всё те же вопросы о высшем смысле бытия: самосознании и самоопределении и их идеалах, познании, целях, направлениях, методах развития.

Воспроизводство цивилизации и государства связано с их образовательным отношением к миру и с миром. Своя цивилизационная картина мира. Это первооснова. За период с конца 1950-х до конца 1970-х в общественном сознании была в целом сформирована иллюзорная, идеализированная картина комфорта и благополучия трансатлантического мира, которая резко контрастировала со сложной и напряжённой, зачастую полной неустраиваемости реальной жизнью послевоенного и восстановительного СССР. В силу субъективно созданных провалов в производстве знания во второй половине XX столетия со временем образовалась интеллектуально-стратегическая пустота.

Пустоту, а главное, – гуманитарную, стали заполнять тем, что есть под рукой или что навязчиво предлагалось. Концепции, теории и критерии общественного развития были заимствованы из «передового мирового опыта». Таким образом, СССР стал постепенно размывать и, наконец, утратил собственные фундаментальные основания *своего* государственного строительства [2. С. 152; 5].

С середины 1960-х и до 1990 года на уровне принятия политических решений не было предпринято попытки вернуться к серьёзной теоретической проработке основ стратегического проектирования. Группа П.Г. Кузнецова не смогла убедить руководство страны в смене консервативного, инерционного курса. Напротив, под спудом набирал силу экономический склад мышления, ориентированный на отказ от принципов государственной стратегии и на слом планового хозяйства. Произошло прекращение деятельности СССР как единого социалистического государства.

За основу интеграции России в «цивилизованный мир» были приняты Либеральная доктрина и «Вашингтонский консенсус».

Каким же могло бы стать возможное дальнейшее реконституирование России внутри уже обозначенного евроатлантицентричного миропорядка?

Если добавление нового элемента меняет всю систему, то, в целях «безопасности системы», культурная, цивилизационная особенность, суверенитет нового элемента должны были быть полностью элиминированы. Могла ли элита Трансатлантики принять «новую капиталистическую Россию» в единое экономическое, культурное и военное пространство как себе равную?..

Трансатлантический мир, обладавший статусом метрополии в последние пять веков, реализуя свою установку на «окончательное решение вопроса мировой истории» и закрепление навечно своего глобального доминирования, принимает в «свои ряды» лишь при условии всеобъемлющей политэкономической и социокультурной структурной адаптации – structural

adjustment, безоговорочного принятия своего «ценностного» и культурного господства.

Международный порядок – Pecking Order, то есть сложившаяся топология власти и иерархический порядок, позиция тотального господства Запада, никоим образом не могут быть поколеблены, изменены или оспорены. «Вход» России в качестве суверенного государства принципиально изменил, переформатировал бы весь этот Pecking Order, если бы изначально в его устройении её культурно-исторический потенциал и цивилизационная уникальность не учитывались. Встал бы сакраментальный вопрос – кто во что вошёл и как изменился порядок в «очереди возле кормушки».

Оставленное за Россией после СССР «право вето» в Совете Безопасности ООН – едва ли не единственное исключение, за которое ещё потребовалось повоевать нашей дипломатии.

Поэтому в ходе «реформирований» и интеграции России в «цивилизованный» мир и был запущен процесс её геополитического убийства – разукрупнения, «упразднения» исторической России как одного из системообразующих, структурирующих факторов глобального масштаба.

Сегодня нарастает осознание необратимого фундаментального, исторического краха либерального проекта, а на повестку дня встаёт задача стратегии полнокровного реконституирования России в прежнем качестве – для начала как минимум как суверенного государства.

В чём же состоит ныне действующая геостратегическая проектность?

СССР задавал, уже одним фактом своего существования, глобальное направление исторического процесса, демонстрировал стратегические возможности проектного начала как преимущества, служил «катехоном миропорядка». С его упразднением было убрано, пожалуй, единственное препятствие для тотализации капиталистических отношений и господства евроатлантизма, эгокультурной структуры мира, неокOLONиализма и управляемого хаоса [6, гл. 33]. (Начался форсированный процесс достижения «конечных целей», но без осознания, что это и приближает конец проекта).

Складывается неограниченное глобальное «экономическое НАТО», которое при помощи Трансатлантического, Транстихоокеанского партнёрств и Соглашения по торговле товарами и услугами ставит под контроль львиную долю – 73 % мировой торговли товарами и 70 % торговли услугами; приватизации подлежат «государственные услуги» (ликвидируется государство как понятие); контроль сфер здравоохранения, коммунальных услуг перейдёт к транснациональным банкам и корпорациям.

Глобальное «образовательно-культурное НАТО» (Болонский механизм – только предтеча) подчинит сферу образования и культуры. Страны БРИКС и ШОС оставлены в изоляции, России отводится роль квазисырьевого придатка, неспособного самостоятельно участвовать в мировой истории и посылать значимые импульсы в мировую культуру.

Чем более убогой и малоэффективной будет складываться вся её социально-культурная, экономическая и политическая организация, тем меньше

шансов появления с её стороны стратегических сюрпризов, научно-технологических прорывов мирового значения, влияющих на самоопределение и стратегические ориентации других стран и народов, на самовольные побег из Прокрустова ложа, уготованного Западным проектом для всех народов.

Цель данного замысла – по сути, слом планетарного проекта «человек», отмена принципа человечности.

Изменение топологии всей мировой истории, всех типов отношений и форм государственности, закрепление «однополярности», правил, норм и институтов – как условий существования Imperium(a) [8. Р. 9] и доминирования США.

Геополитическая карта Спайкмена (рис. 1):

«Кто контролирует Римлэнд, тот контролирует Евразию. Кто контролирует Евразию, контролирует, управляет движением мира».

Бжезинский существенно расширил идею «Римленда/Пояса раздробления», включив в него бывшие советские республики Средней Азии и Кавказа. Так формируется «этнический котел» непосредственно у границ России. Бжезинский заимствовал у Пилсудского задачу периферийной стратегической дестабилизации в рамках «Евразийских Балкан» в качестве способа ослабления российского ядра и сохранения американской гегемонии. Тем самым будут предотвращены потенциальные альянсы континентальных держав, способные поставить под угрозу американский контроль над Евразией.

Концепция «Евразийских Балкан» Бжезинского является осевой в американском геополитическом мышлении. Если Маккиндер «конструировал» мировой остров и помещал Россию в его ядро, то Шпикман выделял противоречия и неустойчивости, а Пилсудский искал, как их использовать, Бжезинский осуществил синтез всего этого в стратегический императив американского доминирования.

Как полагает З. Бжезинский, институциональное закрепление за Империем всех политэкономических и военных ресурсов делает трансатлантическое сообщество всемогущим. Доступным станет глобальное политическое планирование и управление в интересах верхушки глобальной олигархии.

Что выступит окончательным геостратегическим успехом, «узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы», США и ЕС составят «ядро глобального пространства политической стабильности и экономии», станут всесильны и будут диктовать свою волю в любой точке мира [1. С. 254].

Глобальный переворот должен быть закреплён в новых представлениях о международном праве. Жизненное пространство, дом Imperium(a) – вся планета – «the American homeland is the planet», его нормы универсальны [8]. «Секрет Империеума» – не просто транснациональное извлечение прибыли и накопление капитала под силовым прикрытием, но глобальная система

налогообложения – «The world is the tax base for Imperium» [8. P. 75]. Обоснована будет и презэмптивность [3. С. 29] – право на смену режимов и перестройку государств, не приемлющих регулятивы Imperium(a) [8].

Рис. 1. Геополитическая карта Спайкмена

З. Бжезинский предупредил, – те, кто не примет данный императив, будут погружены в хаос: «...перспективой человечества в ближайшие два десятилетия станет либо устойчивое движение к сообществу взаимных интересов, либо падение в пучину хаоса. Принятие другими американского лидерства является неременным условием избежания хаоса» [1. С. 502].

Предполагается, что в новой топологии Трансатлантическое и Транстихоокеанское партнёрства замкнут Азию с Европой в обход Евразии, которой предписан режим сдерживания развития и/или зоны разрастания перманентного хаоса. Очаги развития, неподконтрольные Трансатлантике, просто ликвидируются.

На повестке дня – «стерилизация» всего мирового пространства и окончательное освобождение его от последних понятий естественного права – государства и суверенитета.

Условием воспроизводства Запада является подчинение процессов развития своей власти. В ответ на появление Советского проекта в США (в Трансатлантике) оформилась *Метастратегия* – Grand Strategy, в соответствии с которой их безопасность будет обеспечена только после ликвидации всех иных общественных форм и способов государственного развития. Исторический процесс (повсеместно) из стихийного и неуправляемого намерено превратить в проектируемый и управляемый. Становясь частью глобального Запада, Россия полностью утрачивает свою цивилизационную идентичность и суверенитет.

Будет ли далее реализовываться проект перехода к «неоантичности» с сокращением населения планеты до 2 млрд или даже менее, остаётся вопросом пока окончательно не закрытым. Продолжается скрытно планомерно управляемое скатывание в бездну – на уровнях, трансформирующих сознание человека, его мировосприятие.

Наиболее фундаментальным и драматическим аспектом этих планов остаётся «эпистемоцид»: убиение исторического самосознания и проектно-способности – как эффект эпистемического евроцентризма.

Глобальная политика трансформации сферы образования – весомая часть политики укрепления господства и гегемонии через кастрацию мышления как познавательного метода: эмпиризм и позитивизм, методологический индивидуализм, философия истории и методы синтеза знаний, новые антропологические концепции типа трансгуманизма, постепенное смещение этических норм – всё это соответствующим, точнее коренным, образом скрыто влияет на судьбы отдельных стран и перспективу мирового развития в целом.

Геополитика «эпистемоцида» состоит в том, что «подлинным» выступает только то знание, производство которого выработано в соответствии «канонами/традицией мысли Западного человека». Любое базовое знание, в построении которого учитывается субъектность и/или незападная институциональная геополитическая принадлежность, трактуется как отсталое, нерелевантное, несерьёзное и ущербное. Дело в том, что ещё за 150 лет до декартовского догмата «Я мыслю, значит, я существую» (1637 г.), базовым лозунгом стал «Я покоряю, значит, я существую» – «I conquer, therefore I am». Реализация отношения «Я покоряю» – «ego conquiro» является предтечей, принципиальным когнитивно-социально-историческим генотипом Декартовского «ego cogito».

С началом Европейской колониальной экспансии в 1492 году «я покоряю» выступило основанием и условием самой возможности «я мыслю», создало условия для секуляризации всех атрибутов Христианского Бога и замещения Бога новым аксиоматическим «основанием знания». С покорением Евро-человеком всего мира Бог, как источник знания, был ликвидирован.

Богopodobность и эпистемические привилегии евро-человека достигнуты и утверждены с покорением Америки. Претензия на способность богopodobности и замещения божественного производства знания исходит из того, что некто оказывается способным мыслить себя в качестве центра мира, поскольку он уже покорил мир [7. P. 77]. Для перехода от отношения «I conquer, therefore I am» к «I think, therefore I am», от «ego conquiro» к «ego cogito» необходима фаза «ego extermino» – отношение эго-истребления – это основное, фундаментальное социально-историческое структурное условие существования и производства знания евро-человеком. Я истребляю, я господствую, – я существую.

Новая мироевропейская экономика капиталистического знания оформилась в течение «долгого XVI-го века» – с 1450 по 1550 год. На основании колониальности власти были сконструированы «общемировые колониальные миро-эпистемические структуры» как основания для эпистемической привилегии Евроатлантики и «Западного человека». Теперь фундаментальным основанием существования и производства знания трансатлантической цивилизации и Западного мира выступают отношения покорённости (эго-истребления) и подчинённости мира [7. P. 77]. Глобальная колониальность и сегодня представляет собой воспроизводство онтологической, политэкономической, социальной, расовой, но прежде всего, *эпистемологической* зависимости от Запада – как высшей формы современности, как Модерна.

Способ знания и образ жизни Запада выступает нормативом и основанием классификации для всего человечества. Все подлежат реформам модернизации – с целью приближения к западному «первому миру» – как универсальному идеалу.

Важнейшее онтологическое допущение, на котором основан современный мировой порядок, заключается в *вере* в то, что «Европейская цивилизация», «Запад» обладают особым, высшим историческим преимуществом, уникальной культурой и «расовым качеством», идеальной средой и особым духом, которые в совокупности обеспечивают непреодолимое превосходство над другими обществами – во все исторические времена и по настоящее время.

Профессор Джеймс Блаут трактует это отношение как «теорию распространения» – диффузионизм, или евроцентристский диффузионизм. Данная концепция трактует культурные процессы как «растекающиеся из европейского ядра в сторону «культурно-пустотного» неевропейского пространства. Это естественный, нормальный, логический и этический поток культуры, инноваций и достижений человеческого развития, заполняющий недоразвитые пустоты. Здесь Европа (Евроатлантика) – источник и находит-

ся в центре, вся неевропейская периферия – принимающая сторона, «реципиент». «Европейское чудо» состоит в том, что Европа оказалась более развитой и прогрессивной, нежели другие регионы мира ещё до 1492 года, до начала эпохи колониализма и интенсивного взаимодействия всех регионов. Если рассматривать развитость, опять-таки, именно с позиций самой Европы.

Якобы отношения колониализма не имели принципиального значения для построения капитализма и Европейского процветания, при этом для африканцев, азиатов и американцев колониализм должен рассматриваться не как тотальный грабёж и культурный геноцид, а безусловно позитивно, как приобщение к высшей, подлинной, Европейской цивилизации, как модернизация (не обошёл ли нас стороной этот порыв?).

Ибо все наиболее важные вещи, когда-либо случившиеся в истории человечества, происходили только в одной части мира – в «Большой Европе». (Большая Европа включает географический ареал самой Европы, а также, в части античной истории, некоторое расширение на юго-восток и включает «Библейские Земли» – от Северной Африки до Месопотамии и стран европейских колониальных поселений за морями. Бог создал человека в этом регионе: Эдемский Сад располагался где-то здесь – на берегах Средиземноморья и гор «Ближневосточной» Азии. Отсюда: подлинная цивилизация проходит победным маршем от Афин к Риму, затем в Париж и Лондон, и перебирается в Новый Свет, в залитый огнями Нью-Йорк.)

Неевропейцы мало что привносят в мировую историю. А если что-то и делают в этом плане, то только в результате позитивного европейского влияния. Колонизованные народы учатся у своих колонизаторов, японцы и те лишь успешно имитируют и т.д. Европейцы ярче, лучше, смелее, нежели «все остальные»...

Институциональный процесс и мировая история происходят в рамках такого «Европейского тоннеля» с односторонним движением. Эта схема тоннельной истории попросту игнорирует значимое существование не-Европейского мира. Главным «строительным блоком» современности является Европейский. Не-Европа – Азия – Восток библейских земель, Африка, Латинская Америка, Океания рассматриваются только как регионы европейской колониальной деятельности.

Поскольку факт СССР не сместил, а разрушил стройную монополию на легитимность трансатлантической системы власти и глобальных отношений колониальности, непредвзятое историческое знание о нём, о содержании советского (социалистического) проекта и сути его достижений и промахов, о его влиянии на мировую историю и современность, является и в будущем останется предметом острой геостратегической, геокультурной и геополитической борьбы, войны смыслов.

Истребление памяти служит ликвидации способности уже разделённого в себе и отчасти рассеянного по всему миру Русского Мира (и вместе с ним всего мира) к проектированию разнообразных форм передового, эффективного справедливого развития, преодоления нынешнего острейшего гло-

бального кризиса, острая фаза которого ещё только впереди. Забвение уроков и опыта СССР (равно как горького, так и позитивного) – ограничивает проектоспособность России, умаляет шансы на построение её суверенного будущего.

Знание свершённого, достигнутого советским Проектом и того, какие внутренние проблемы он не разрешил, что в его ходе не удалось, является подлинно стратегическим ресурсом, которым в современном мире не обладает больше никто, кроме нас, что должно стать фундаментом и уникальным инструментом *мышления* – качественного, развивающего действия.

Фундаментальная причина разрушения СССР – провалы в производстве знания, в непонимании феномена единства и всеобщности образовательных отношений человечества, в самом допущении эпистемологической зависимости от Запада [7. Р. 89].

Во многом именно поэтому СССР не обеспечил прочности и необратимости достигнутого им советского уровня общественного сознания. Самое страшное – смотреть на общественно-исторические события, в которых мы пребываем и в которых «находимся», через призму старых теорий, ветхих и отвергнутых концепций и представлений, эпистемологические основания которых – занесённые к нам западным ветром.

Пользование такими представлениями делает народы настоящими узниками, лишает возможности творческой деятельности и подлинной, целеустремлённой жизни.

Тем самым, утратившие свою идентичность, народы, со временем, оказываются вне истории. Не имея ориентиров, они не могут осознанно и коллективно действовать, впадают в процессы разложения и имитации существования.

Историческое и проектное сознание составляют единство, соцелостность, поэтому будущее государств и их право на развитие будут определяться отношением к проблеме геополитики знания, восстановлению проектоспособности и «эпистемического суверенитета» как условиям формирования многополярного, динамичного мира, имеющего шанс на будущее.

Необходимы глобальная дискуссия о деколониальной политике знания [9] и фундаментальная разработка категории и всего спектра отношений снятия: миру важно избавиться от разгула отношений эго-истребления – «ego extermino», выходить к «развивающим и возвышающим снятиям», увеличению разнообразия и степени идеализации. Производство знания должно быть освобождено от доминирования экономизма, отношений колониальности, агрессии, матрицы либерального центризма [10. Р. 246–247].

Судьба российского университета тесно связана с восстановлением и развитием мышления как прежде всего проектоспособности, извлечением исторических уроков СССР. Среди прочего важнейшей качественной стороной университетских разработок должны стать системное выделение процессов мирового развития, «больших пространств и больших исторических длительностей» – *large space* и *longue durée*, глобальная политическая антро-

пология и политэкономия исторического и проектного знания – как взаимодействие различных цивилизационных представлений о стратегиях развития человечества и обустройства планеты как ковчега разумной жизни.

Фундаментальная угроза национальной безопасности – утрата суверенности в познании, в научно-познавательной, образовательной политике и эпистемологической стратегии. В большом ходу – институционализация отношений глобальной «политической экономии» знания – когда процессы знания (производства знания, образования и культуры в самом широком смысле слова) жёстко привязываются к мировым финансам и эмиссии доллара как основной мировой валюты.

Критичность ситуации России заключается в том, что за период «без СССР» была выстроена целая стратегическая знание-финансовая сеть, инфраструктура. Это глубоко коррупционная практика.

Ключевые высшие институты государственного управления, разработчики стратегий и политик львиную долю своего финансирования получают из внешних источников – Мирового банка, USAID, частных фондов (например, ГУ ВШЭ, Институт Гайдара, РАНХиГС и т.д.), а большинство ведомств и министерств, системообразующих российских предприятий, университетов и пр. стали прямой клиентурой производства стратегического знания «от» евроатлантической цивилизации, они подключены к американским университетам и «стратегическому консультированию» транснациональных корпораций – типа PwC, Ernst&Yang, Deloitte&Touche, McKinsey&Co. и др.

Страна вышла к пограничной ситуации, когда может быть утрачена суверенность в выработке стратегических знаний в познании мира. Недавнее обращение Минэкономразвития РФ к ведущим транснациональным банкам (JP Morgan, City Group, Goldman Sachs, Credit Suisse, Deutsche Bank, Merrill Lynch, Morgan Stanley, Barclays, BNP Paribas, RBS, UBS, Raiffeisen, UniCredit, SG Corporate) выступить операторами в процессах приватизации лишь подтверждает глубину данной тенденции.

В период СССР образование – как мировое, международное и общественное государственно-политическое отношение – *не было* выделено как стратегический предмет государственной практики, инструмент фундаментальных социальных исследований и теоретических разработок. Это, казалось бы невинное, упущение оказалось слабым звеном – инфраструктурным инструментом для ликвидации защиты права страны на суверенное развитие, орудием убиения исторического самосознания и проектоспособности, «чистосердечного» принятия отношения колониальности супердержавой.

Образовательное отношение должно рассматриваться в смысле Гегелевского представления о «возвышающем снятии» как форме развития (от многозначного немецкого «aufheben» – «отрицание», «исчезновение», «уничтожение», «отрицание отрицания», «поднятие», «удерживание» и пр.).

Конституирование российской государственности как суверенной, обладающей своими собственными основаниями для культурно-исторического

и цивилизационного развития может быть состоятельным только при наличии и полагании себя как стратегически развивающегося Целого.

Предъявление и конституирование себя как субъекта, своей роли и места в мире и мировой истории возможно только на основании собственного же целостного мировосприятия. В противном случае приходится довольствоваться местом, долей мирового богатства и ролью, отведенными тебе другими.

Россия как государство стоит на острие в точке бифуркации – в преддверии как осознания своей мировой исторической миссии, так и пассивного приятия всех возможных катастрофических перспектив. Охвачены невероятным кризисом и все западные формы суверенной государственности, что ложится дополнительным грузом ответственности на Россию.

В ближайшие месяцы и годы предстоит воссоздать передовую систему производства знания и проектирования, стать собой – страной высших гуманитарных, технологических и научных достижений, развитого – в свободе и для свободы – общественного сознания, развития индустрии XXI века. Вернуться к проектированию и конструированию будущего. Или позволить себе стать расходным сырьём тоталитарной империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: АСТ, 2015. – 702 с.
2. *Коврига А.В.* Глобальный кризис и переустройство государственного дела: вспомним камерализм? // Развитие и экономика. – 2015. – № 14. – С. 146–173.
3. *Комлева Н.А.* Преземптивная война как технология ресурсного передела мира // Пространство и время. – 2012. – № 2. – С. 29–30.
4. *Никаноров С.П.* Уроки СССР. Исторически нерешенные проблемы как факторы возникновения, развития и угасания СССР. – М.: Концепт, 2011. – 193 с.
5. *Понкин И.В.* Теория девиантологии государственного управления: неопределённости, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении. РАНХиГС при Президенте РФ. – М.: Буки-Веди, 2016. – 250 с.
6. *Шушарин А.С.* Полилогия современного мира (Критика запущенной социологии): в 5 т. – М.: Мысль, 2005–2006.
7. *Blaut J.M.* The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History. – New York: Guilford, 1993. – 246 p.
8. *Grosfoguel Ramón.* The Structure of Knowledge in Westernized Universities. Epistemic Racism/Sexism and the Four Genocides/Epistemicides of the Long 14th Century // Human Architecture: Journal of the Sociology of Self-Knowledge. – Vol. XI. Issue 1. Fall 2013. – P. 73–90.
9. *Lipschutz D. Ronnie.* The Constitution of Imperium. Paradigm Publisher. – London, 2009. – 157 p.
10. *Wallerstein Immanuel.* Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. London: University of California Press, Berkeley, 2011. – 377 p.
11. *Mignolo D. Walter.* The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options. – Durham: Duke University Press, 2011. – P. 216.

THE RIGHT TO KNOW AS THE IMPERATIVE OF RUSSIA'S DEVELOPMENT

A.V. Kovriga, A.A. Subbotin

It gives an approach of what lessons one needs to learn from the implementation of the Soviet Project; there is a description of the world order vector in the world without the USSR as well as the grounds and consequences for the right to know and the right to develop; one finds here a definition of the problem of how to restore the projectability of state as a condition for overcoming the catastrophic sequence of events for the world and Russia.

Key words: lessons of the USSR, world development, educational process, the right of knowledge and the imperatives of Russia's development.